

Константин Симонов

Стихи о войне (фрагмент)

Из поэмы

"ДАЛЕКО НА ВОСТОКЕ"

О ТОМ, КАК ТАНКИ ИДУТ В АТАКУ

А пехоты и правда не было.
Она утопала в песках,
шла, захлебываясь пылью,
едва дыша.
Летчик, посланный на разведку,
впереди нее
в облаках
летел как оторванная от тела душа.
Он знал:
за десять минут отсюда уже начинался бой.
Проклятье!
Он мог
эти сутки для них
сделать за десять минут.
Если б можно
их всех
на канатах
потянуть вверх, за собой,
поднять,
перенести
и поставить
за сто верст,
там, где их ждут.
Он делал над их головами смертельные номера:
двойной разворот,
штопор,
двойной разворот.
И смертельно усталые люди снизу хрипло
кричали "ура".
Они понимали, что он им хочет помочь

скоротать переход.

- Что ж, придется одним. -

Майор потушил папиросу о клепку брони.

Комиссар дострочил на планшете
последнюю строчку жене.

Начальник штаба молча кивнул:

- Что ж, одни так одни, -

и посмотрел на багровое солнце, плывшее
в стороне.

Все посмотрели на солнце.

Открыв верхние люки

на всех,

сколько было,

танках,

сдвинув на лоб очки,

положив на поручни башен черные кожаные руки,

танкисты смотрели на солнце,

катившееся через пески.

Не всем им завтра встретить восход под этими
облаками.

Майор поднялся на башню:

За Родину!

В бой!

Сигналист крест-накрест взмахнул флажками.

И стальные люки с грохотом захлопнулись над
головой.

В броневом стекле вниз и вверх метались холмы.

Не было больше ни неба,

ни солнца,

только узкий кусок

земли, в которую надо стрелять,

только они

и мы.

Только мы

и они,

которых надо вдавить в этот песок.

- За Родину -

значит за наше право

раз и навсегда

быть равными перед жизнью и смертью,
если нужно - в этих песках.
За мою мать,
которая никогда
не будет плакать, прося за сына,
у чужеземца в ногах.
- За Родину -
значит за наши русские в липах и тополях города,
где ты бегал мальчишкой,
где, если ты стоишь того,
будет памятник твой.
За любимую женщину,
которая так горда,
что плюнет в лицо тебе, если ты трусом
вернешься домой.
Облитая бензином, кругом горела трава,
майор, задыхаясь от дыма, вытер глаза черным
платком,
крикнул:
- Вперед, за Родину!
Стрелок не расслышал слова,
но по губам угадал
и, стреляя,
повторил их беззвучным ртом.
Снаряд ворвался в самую башню.
На мгновение глухота,
как будто страшно ударили в ухо.
Стараясь содрать тишину,
майор провел по лицу ладонью.
Ладонь была залита,
стрелок привалился к его плечу,
как будто клонило ко сну.
Майор рванул рукоять.
Пулемет замолк.
Замок
у орудья разодран в куски.
Но танк еще шел!
Танк еще шел!
Танк еще мог...

Еще сквозь пробоину плыло небо
и летели пески.
И вдруг застрял
и опять рванулся страшным рывком.
- Денисов! -
Водитель молчал.
- Денисов! -
Молчал.
- Денис... -
Майор качнулся вправо и влево в обнимку
с мертвым стрелком
и, оторвав ослепшие пальцы,
пролез вниз.
Водитель
сидел, как всегда, - руки на рычагах.
Посмертным усилием воли он выжал передний ход.
Исполняя
его последнее
желанье,
в мертвых зрачках
земля, как при жизни, еще летела вперед.
Похоронный марш,
слава,
вечная память -
это все потом.
А пока на мокром от крови кресле тесно сидеть
вдвоем.
Майор отодвинул мертвого,
повернул лицом к броне
и, дотянувшись до рычагов,
прижался к его спине...
Семь танков уже горело.
Справа,
слева
и сзади
были воткнуты в небо столбы дыма.
Но согласно приказу
оставшиеся в живых
шли, не глядя,

шли мимо,
мимо праха товарищей,
мимо горящих могил,
недописанных писем,
не дожитых жизнью.
Перед смертью каждый из них попросил
только горсть воды себе
и победы в бою отчизне.
Есть у танкистов команда:
"Делай, как я!"
Смерть не может прервать ее исполненья.
Заместитель умершего
повторяет:
- Делай, как я! -
Умирает,
и его заместитель
ведет батальон в наступление.
Экипаж твой убит.
Но еще далеко до отбоя.
О ВЕЧЕРЕ ПОСЛЕ БОЯ
Вечер.
Как далеко позади
это поле сраженья, и слезы
упоенья победой,
и последнего залпа дымок,
перевернутых пушек колеса,
бегство
тех, кто успел,
и могилы
тех, кто не смог.
Обломок ротной трубы, не успевшей подать сигнал,
бутылки из-под сакэ,
солдатские ложки,
рядом с телом хозяина вдавленный в землю журнал,
где на залитой кровью обложке,
как ни странно,
по-прежнему
нарисован храбрый отряд:
солдаты идут в атаку,

обгоняя друг друга,
поручик с рукой на перевязи
бежит впереди солдат,
как флаг, поднимая веер,
белый,
с багровым кругом.
После боя курили, сняв шлемы.
Над головой
был монгольский,
зеленый
с красным
и черным
закат.
Был короткий отдых.
И завтра опять бой,
как вчера,
и позавчера,
и месяц назад.
Но они говорили совсем не об этом.
Чего ради
повторять
то, что известно,
то, что опять начнется завтра с утра.
Они говорили о доме,
о маме,
о какой-то Наде,
говорили так, как будто они оттуда только вчера.
Нет, неправда,
к смерти привыкнуть нельзя.
Но это еще не значит
видеть ее во сне по ночам,
думать о ней, открывая утром глаза,
говорить о ней, поднося котелок к губам.
И когда солдаты,
которым завтра в бой,
говорят не о торжестве идей,
а, грустя, вспоминают о доме,
о матери,
о родных,

то это тревожит только маленьких чернильных
людей,
верящих громким словам,
но не верящих сердцу,
которого
нет у них самих.
Но командир роты,
который был с нами вчера в бою
и пойдет с нами завтра,
садится рядом,
и, греясь одним огнем,
слушает нашу жизнь,
и рассказывает свою,
и не боится вспомнить
милую женщину и опустевший дом.
Его не тревожит наша память о доме,
о любви,
об уюте комнат.
Если б не было этого,
где ж тогда наши сердца?
Из того,
кто ничего не любит
и ничего не помнит,
можно сделать самоубийцу,
но нельзя сделать бойца.
Я люблю землю в холодных рассветах,
в ночных огнях,
все места, в которых я еще никогда не жил.
Если б мне оторвало ноги,
я бы на костылях,
все равно,
обошел бы все, что решил.
Я люблю славу,
которая по праву приходит к нам.
С ночами без сна,
с усталостью до глухоты.
Равнодушную к именам,
жестокую по временам,
но приходящую неизменно,

если сам не изменишь ты.
Я люблю женщину,
которая стоит того,
чтоб задыхаться от счастья,
когда она со мной,
чтоб задыхаться от горя,
когда она оставляет меня одного,
чтоб не знать
ни позже
ни раньше
никого, кроме нее одной.
Но в минуту, когда
между жизнью для них
и смертью за них
выбирать
приходится только нам самим,
то, как ни бывает жаль умирать,
мы не уступаем этого права другим.
Если ты здоров и силен
и ты уступил это право,
ты не сможешь ходить по земле,
которую защищал другой;
слава,
трясаясь над которой ты струсил, -
уже не слава;
женщину,
за которую ты не дрался,
ты не смеешь называть дорогой.
Мы всосали эту жестокую правду с молоком
матери.
Мы все такие,
и этого у нас не отнять.
Мы умеем жертвовать жизнью
только одной
своей.
Но зато эту одну трудно у нас отобрать.
Мы не вспоминаем в эту минуту всех книг,
которые мы прочли,
всех истин, которые нам сказали,

мы вспоминаем не всю землю,
а только клочок земли,
не всех людей,
а женщину на вокзале.
Но за этим,
ширясь,
не зная преград,
встает Родина,
сложенная из этих клочков земли,
встает народ,
составленный
из друзей, которые провожали нас, солдат,
плывут облака, под которыми мы росли.
А в бою есть только танки, идущие напролом.
Есть только красный флаг над желтым песком.
Что они не сметут,
то он подожжет.
Они дойдут до реки
и пройдут эту реку вброд,
и пески за рекой,
и горы, которые за песками,
и еще пески,
и еще горы,
и море, которое за горами,
они обогнут всю землю железной дугой,
они обойдут все страны
одну
за другой,
они обойдут их все,
ломая
жалкую бестолочь пограничных столбов,
и, почернев в походах,
они выйдут в другое столетье
на площади
неизвестных нам городов,
только там, наконец, они встанут на отдых.
Будет солнечный день.
Незнакомый нам завтрашний век.
Монументом из бронзы

на площадях
они встанут рядами.
Верхний люк
приподнимет бронзовый человек,
сигналист просигналит бронзовыми флажками,
и на всех,
сколько будет их,
танках,
открыв верхние люки,
подчиняясь приказу бронзового флажка,
положив на поручни башен бронзовые руки,
они будут смотреть на солнце,
катящееся через века.
Революция!
Наши дела озарены твоим светом,
мы готовы пожертвовать для тебя
жизнью,
домом,
теплом.
Встать!
когда говорят об этом,
ради чего мы живем
и, если надо,
умрем!
1939-1941
Монголия - Москва

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.